

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В ДРЕВНЕМ РИМЕ (28–23 ГГ. ДО Н. Э.)

Усов Дмитрий Андреевич,

преподаватель кафедры истории государства и права Московского
государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат исторических наук
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
usovda1996@gmail.com

© Усов Д. А., 2025

Аннотация. Статья посвящена проблеме юридического оформления власти римского императора и ее отражения в восприятии современников. Оказавшись на вершине могущества после окончательной победы над Антонием и Клеопатрой в 30 г. до н. э., Октавиан должен был выработать правовое обоснование своего исключительного положения в римском государстве. Общественное мнение, в первую очередь позиция старой римской аристократии (нобилитета), не позволило ему принять ни триумвирских, ни диктаторских, ни царских полномочий. Поэтому политик избрал путь постепенного сосредоточения в своих руках традиционных республиканских институтов, из которых в конечном счете и сложился самобытный институт императорской власти Древнего Рима. К 23 г. до н. э. главные юридические контуры института императора были очерчены: в его основе оказались власть народного трибуна (*tribunicia potestas*) и высший проконсульский империй (*imperium proconsulare maius*). В качестве источника власти Августа, предпочитавшего называть себя принцепсом («первым среди равных»), был обозначен гражданский коллектив, ярким выражением чего стало сохранение законодательной власти за народными собраниями (комициями). Однако исследование позволило предположить, что, несмотря на все юридические ухищрения принцепса, многие римляне всё же воспринимали его как полновластного царя, обладавшего законодательной и «моральной» властью, которая происходила не от гражданского общества, но из божественной санкции. Вполне вероятно, что подобные коллективные представления послужили дополнительным, если не ключевым, фактором дальнейшего усиления «монархического» компонента в развитии системы принципата при последующих императорах.

Ключевые слова: Древний Рим; Римская империя; принципат Августа; принцепс; император; царь; античная поэзия; Вергилий; Овидий; политический подтекст.

LEGAL FORMALIZATION OF IMPERIAL AUTHORITY IN ANCIENT ROME (28–23 B.C.)

Dmitriy A. Usov,

Cand. Sci. (History), Lecturer, Department of History of the state and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

usovda1996@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to the issue of the legal formalization of the Roman emperor's power and its reflection in the perception of contemporaries. Having risen to the pinnacle of power after the final victory over Antony and Cleopatra in 30 B.C., Octavian had to develop a legal justification for his exceptional position in the Roman state. Public opinion, particularly the stance of the old Roman aristocracy (the nobility), prevented him from assuming triumviral, dictatorial, or royal powers. Therefore, the politician chose the path of gradual concentration of traditional republican institutions in his hands, which ultimately formed the unique institution of imperial authority in Ancient Rome. By 23 B.C., the main legal contours of the emperor's institution had been determined: it was based on the power of the tribune of the people (*tribunicia potestas*) and the supreme proconsular imperium (*imperium proconsulare maius*). The source of Augustus's power, who preferred to call himself *princeps* («first among equals»), was designated as the civic collective, vividly expressed in the preservation of legislative authority by the popular assemblies (*comitia*). However, the study suggests that, despite all the legal intricacies of the *princeps*, many Romans still perceived him as an absolute monarch, possessing legislative and «moral» authority that stemmed not from civil society but from divine sanction. It is quite likely that such collective representations served as an additional, if not key, factor in the further strengthening of the «monarchical» element in the development of the principate system under subsequent emperors.

Keywords: Ancient Rome, Roman Empire, Augustan Principate, *princeps*, emperor, king, ancient poetry, Virgil, Ovid, political subtext.

История Римской республики закончилась в 31 г. до н. э., когда Гай Октавиан, молодой наследник Юлия Цезаря, разгромил объединенные силы Антония и Клеопатры у мыса Акций. Уже в следующем году он победоносно вошел в Александрию, сделав Египет своими личными владениями во главе с назначаемым им префектом. С этого времени вряд ли у кого-то оставались сомнения в том, что отныне Октавиан — полновластный хозяин во всей Римской державе. Однако перед победителем стояла непростая задача. Его фактическое положение не имело под собой никаких правовых оснований¹, и чтобы не повторить судьбу Цезаря, он должен был выработать четкую юридическую формулу своей власти, он должен был оформить и легитимизировать новый для Рима институт императора². Диктатура была дискредитирована правлениями Суллы и Цезаря, так что на эту роль она не годилась, к тому же в 40-х гг. до н. э. ее упразднил Антоний. Возобновление чрезвычайных триумвирских полномочий с попыткой их нормализации тоже едва ли могло быть воспринято с энтузиазмом, ведь с ними, как и с диктатурой Суллы, были связаны многие несправедливости периода гражданских войн — конфискации земель, насилие, террор, — от которых Октавиану следовало дистанцироваться. Также не выглядело удачным решением принятие царской власти, поскольку

¹ Срок действия его триумвирских полномочий, судя по всему, завершился еще в 33 г. до н. э., а занимаемого им в 30 г. до н. э. консулата было явно недостаточно для единовластного правления.

² В эпоху Поздней Республики императорами называли не носителей высшей власти в государстве, но победоносных военачальников.

для многих римлян, в особенности для нобилитета, ее учреждение означало бы установление тирании. Поэтому Октавиан избрал путь «восстановленной республики» (*res publica restituta*)³: новая единоличная власть должна была основываться на старых республиканских институтах, ценностях и традициях. Обратившись к трудам Вергилия и Овидия, попробуем ответить на вопрос, удалось ли все-таки Августу, продержавшемуся у власти более 40 лет, убедить сограждан в нецарской природе собственной власти.

В историографии вот уже более ста лет нет конца дискуссиям о политической сущности созданной Октавианом системы принципата⁴. Долгое время существовал своего рода консенсус: Август считался безусловным монархом, сперва — образцовым, позже — коварным и двуличным; если правители средневековой Европы смотрели на него как на образец для подражания, то мыслители эпохи Просвещения оценивали его как эгоистичного узурпатора, который под видом республики положил начало неограниченной деспотической власти. Начало по-настоящему научного изучения этой проблемы — и последовавших за этим научных дискуссий — положил Т. Моммзен, который, сосредоточив свое внимание на правовых сторонах оформления принципата, предложил «теорию диархии». Согласно этой теории, император, сконцентрировав в своих руках трибунскую власть и проконсульский империй, выступал не монархом, но чрезвычайным магистратом, который, хотел он того или нет, был вынужден делить управление Римской империей с сенатом. Ответом на такое прочтение стало появление множества работ, условно объединяемых понятием «теория фасада», по своему духу они довольно близки воззрениям просветителей. Авторы таких исследований, как правило, сосредотачиваются на «реальной политике» и неформальных аспектах власти императора⁵, доказывая ее монархическую природу, пусть и с внешними («фасадными»), а значит, несущественными, чертами республиканской формы правления. Другой взгляд, который иногда называют, опять же условно, «теорией конституционности», напротив, отводит важную роль республиканской составляющей режима Августа, выступавшей, как утверждается, не «декоративным антуражем», но принципиальным ограничителем власти принцепса, конечным истоком которой до самого завершения истории Ранней Римской империи считался коллектив граждан, а не какие-либо династические основания и тем более не какая-либо божественная воля⁶.

Действительно, если взглянуть на правовую сторону вопроса, а также на формы репрезентации нового режима, на стиль публичного поведения принцепса, на то, как происходила его коммуникация с гражданами⁷, система не кажется такой уж монархической, ведь не всякий режим единоличного правления — это непременно монархия. В 28 г. до н. э. Октавиан отменил чрезвычайные постановления триумвиров, что сопровождалось передачей законодательной власти комициям (народным собраниям). По этому поводу был выпущен аурей (золотая монета) со следующей

³ Под республикой (*res publica*) здесь понимается не форма правления, но имеется в виду то самое общее значение, которое вкладывали в это понятие сами римляне, — «общее/публичное дело», подразумевавшее приоритет общественных интересов над частными.

⁴ Подробный разбор этой историографии см.: *Межеричкий Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 61–122; *Егоров А. Б.* Рим: от республики к империи. СПб.: Наука, 2017. С. 97–105.

⁵ Классическая работа такого рода: *Premierstein A. von.* Vom Werden und Wesen des Prinzipats. München: Verl. d. Bayer. Akad. d. Wiss, 1937.

⁶ На этом основании положение римского императора эпохи Принципата иногда сравнивают с положением президента современного демократического государства; см., например: *Махлаюк А. В.* Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата // *Античный полис: курс лекций* / отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 201.

⁷ *Махлаюк А. В.* Указ. соч. С. 196, 200.

легендой на реверсе: LEGES ET IVRA P R RESTITVIT⁸ («законы и права римского народа восстановил» / «законы и права римскому народу вернул»⁹). На этом же реверсе мы видим изображение самого Октавиана без каких-либо намеков на царский или божественный статус. Представлен он в традиционном для республики образе восседающего на курульном кресле магистрата, правой рукой он протягивает свиток, который, по всей видимости, должен был олицетворять либо *leges* и *iura*, либо конкретный эдикт, объявлявший об их возвращении народу. Восстановление законов, в свою очередь, должно было означать возвращение политической свободы (*libertas*)¹⁰, а также служить недвусмысленным указанием на нетиранический характер управления государством¹¹. Вместе с этим Октавиан произвел чистку сената и составил новый список его членов, поставив себя в нем на первое место, тем самым заняв место принцепса сената («первого среди равных») и получив неформальное право первого голоса на его собраниях.

В 27 г. до н. э. Октавиан (вероятно, неожиданно для многих) попытался отказаться от власти и уйти в частную жизнь, однако по «приказу» сенаторов, искреннему или инсценированному, он, вынужденно или желанно, всё же остался во главе государства. Продолжая занимать должность консула, он вместе с тем принял проконсульские полномочия по управлению некоторыми провинциями, прежде всего теми, в которых находились римские легионы (остальные, мирные провинции переходили под управление сената), тем самым император официально возглавил римскую армию. Именно с этого времени Октавиан стал именоваться Августом.

Отказ от власти с последующим ее принятием станет важным ритуалом легитимации верховного положения в государстве — *recusatio imperii*, — к которому будут обращаться очень многие римские правители. Семантика такого ритуала достаточно проста: могущество императора основано не на его прихоти, оно исходит не из его собственного желания, не из божественного повеления, но из воли сената и римского народа, а значит, носителем государственного суверенитета остается коллектив римских граждан (*civitas*). Сам Август написал по этому поводу в своих «Деяниях» следующее: «республику из своей власти я вверил решению сената и римского народа» (...*rem publicam ex mea potestate in senatus populi que Romani arbitrium transtuli* — *RGDA*. 34. 1). С тех пор, по его же словам, он превосходил всех исключительно своим авторитетом, но не властью (*Post id tempus auctoritate omnibus praestiti, potestatis autem nihilo amplius habui quam ceteri qui mihi quoque in magistratu conlegae fuerunt* — *RGDA*. 34. 3). Следуя этой же логике, Август в дальнейшем не раз отказывался от предлагавшихся ему особых полномочий, в частности не принял он ни диктатуры, ни «надзора за нравами», ни права издавать законы от собственного имени¹².

⁸ Подробнее: *Rich J. W., Williams J. H. C. Leges et Iura P. R. Restituit: A New Aureus of Octavian and the Settlement of 28–27 B. C.* // *Numismatic Chronicle*. 1999. Vol. 159. P. 176–178, 180–183.

⁹ Перевод зависит от того, как мы расшифровываем «P R». Если это «*populi romani*», то есть несогласованное определение к *leges et iura*, выраженное родительным падежом (*genetivus*), тогда переводим «римского народа»; если же это «*populo romano*», то есть косвенное дополнение в дательном падеже (*dativus*), тогда — «римскому народу». На основной смысл предложения наш выбор принципиально не влияет.

¹⁰ *Rich J. W., Williams J. H. C. Op. cit.* P. 185–186 (особ. п. 57).

¹¹ *Arena V. Libertas and the Practice of Politics in the Late Roman Republic.* Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 69, 167, 244–245 ; *Cowan E. Hopes and Aspirations: Res Publica, Leges et Iura, and Alternatives at Rome* // *Alternative Augustan Age* / ed. by K. Morrell, J. Osgood, K. Welch. Oxford : Oxford University Press, 2019. P. 32–36.

¹² Империя Августа 43 г. до н. э. — 69 г. н. э. // Кембриджская история древнего мира. Т. 10, в двух томах, первый том / под ред. А.-К. Боумэна, Э. Чэмплина, Э. Линтотта; пер. с англ., подготов. текста, предисл., прим. О. В. Любимовой, С. Э. Таривердиевой. М. : Ладомир, 2018. С. 114–119.

Конечно, вряд ли высокое положение Августа основывалась только на его авторитете. В 23 г. до н. э. он получил новые формальные полномочия, чем в общих чертах завершилось правовое оформление института императорской власти. В этом году под давлением так называемой «республиканской оппозиции» принцепс был вынужден отказаться от консулата в пользу традиционно претендующих на эту позицию римских аристократов, вместо этого он принял власть народного трибуна (*tribunicia potestas*), а его проконсульский империй был преобразован в высший (*imperium proconsulare maius*). О вручении ему в 19 г. до н. э. еще и пожизненной консульской власти сообщает только Дион Кассий, и у ученых есть все основания сомневаться в истинности этих данных¹³. Неоспоримо, что могущество императора в юридическом отношении основывалось прежде всего на потестас народного трибуна и высшем проконсульском империи. Потестас позволяла ему обращаться к сенату, вносить законопроекты на рассмотрение народного собрания, накладывать вето на решения магистратов. Высший империй давал ему право командовать армией и вмешиваться в управление в том числе сенатских провинций, соответственно, его власть распространилась на всю римскую державу.

Императорская власть сложилась из привычных гражданам республиканских компонентов, она не была заимствована извне, не включала в себя законодательную компетенцию, что, должно быть, в глазах нобилитета выгодно отличало ее от восточных монархий. Но можно ли быть уверенным в том, что обычный гражданин уверенно ориентировался во всех этих юридических нюансах и не воспринимал принцепса полновластным царем с законодательной властью?

Еще в «Георгиках» Вергилия, опубликованных за год до политического урегулирования 28–27 гг. до н. э., заметна попытка имплицитной легитимации монархического порядка, что могло в дальнейшем послужить своеобразным «когнитивным шаблоном» для восприятия власти императорской. Категория закона (*lex/ius*) объединяет здесь, с одной стороны, природу/Юпитера (*Verg. Georg. I. 60–65, 121–124; IV. 149–150, 154*) и, с другой стороны, царя (*rex*) пчел¹⁴ (*Verg. Georg. IV. 212–215*) и Октавиана (*Verg. Georg. IV. 560–562*). Согласно поэту, от Юпитера исходит первичный, истинный закон, он, подобно логосу стоиков, управляет всем сущим во вселенной, в мире людей царь и Октавиан выступают его мудрыми реципиентами, земными законодателями, и именно через них общество обретает разумную организацию. Но если царь у Вергилия как *opem custod* (*Verg. Georg. IV. 215*) сосредоточен преимущественно на внутривнутриполитической жизни своего государства, без его мудрого руководства граждане теряют связь с естественным законом, среди них тогда бушует несправедливость и насилие, то Октавиан, будто бы дополняя его образ, в роли захватчика «дает законы» (*dat iura* — *Verg. Georg. IV. 562*) народам Евфрата, таким образом упорядочивая уже внешнеполитическое пространство. Кроме того, Вергилий усиливает ассоциации между Юпитером и Октавианом как двумя «законодателями», подчеркивая в этой же строке, что своей деятельностью наследник Цезаря идет дорогой к Олимпу (*viamque adfectat Olympo* — *Verg. Georg. IV. 562*), а строкой ранее сравнивает его войны с метанием молний (*fulminat... bello* — *Verg. Georg. IV. 561*). Выходит, что в художественном мире Вергилия власть царя и Октавиана — это продолжение власти Юпитера, следовательно, здесь не остается места для гражданского суверенитета, он перемещается в небесные просторы, что радикальным образом расходится с прежними республиканскими традициями. Читателю остается сделать всего лишь один логический шаг, чтобы открыто назвать Октавиана царем.

Может быть, в «Энеиде» (19 г. до н. э.), изданной уже после юридического оформления императорской власти, ситуация иная? Но и здесь понятия *lex* и *ius* связываются преимущественно с царскими особами (Сатурн — *Verg. Aen. VIII. 321–323*; Церера — *IV. 58*; Приам — *VII. 246–247*; Акест — *V. 757–758*; Нума Помпилий — *VI. 809–811*; Дидона — *I. 507–508*; Катон — *VIII. 670*). С ними же связана власть легендарного предка Августа царя Энея (*Verg. Aen. IV. 227–231; XII. 189–191, 314–315*), они же служат

¹³ Империя Августа 43 г. до н. э. — 69 г. н. э. С. 118.

¹⁴ Пчелиный улей служит у Вергилия аллегорией гражданского общества.

атрибутами власти его потомков (Caesar — Verg. *Aen.* I. 286–294; genus — IV. 230; gens Assaraci — IX. 642–644). При этом Эней, а также его потомки, включая самого Августа (Verg. *Aen.* VI. 791–805; VIII. 678–728), подобно Октавиану в «Георгиках», описываются воинствующими завоевателями, распространяющими свои законы на покоренные народы, таким способом они распространяют мир и гармонию. И поскольку на протяжении всей поэмы Эней исполняет возложенную на него Юпитером миссию по завоеванию италийских племен для начала рода Юлиев и самого Рима, то истоком его власти читатель должен был считать именно бога, а не народ. К тому же один раз в «Энеиде» понятие закона связывается с категорией судьбы (*fatum* — Verg. *Aen.* XII. 819), которую представители знакомого Вергилию стоицизма часто использовали в качестве синонима природы и Юпитера.

Нечто близкое мы обнаруживаем и у столь непохожего на Вергилия элегического поэта Овидия, создавшего все свои сочинения уже после урегулирования 28–27 гг. до н. э. У Овидия репрезентация власти Августа практически идентична репрезентации власти легендарного критского царя Миноса¹⁵. Оба правителя описаны элегиком как победоносные завоеватели, которыми руководит жажда мести: Минос, завоевывая Грецию, мстит за своего сына (Ovid. *Met.* VII. 456–458); Август, сокрушая своих врагов в гражданском противостоянии, — за приемного отца Цезаря (Ovid. *Met.* XV. 819–821). Обширными завоеваниями они обретают весь земной круг (*orbis terrarum*) — все земли (*terrae/tellus*) и моря (*aequora/undae/pontus*) (Минос — Ovid. *Ars Am.* II. 35; *Met.* VIII. 185–187; Август — *Met.* XV. 830–831; *Fast.* II. 136–138). И самое важное, и Минос, и Август у поэта играют роль «справедливейшего законодателя» (*iustissimus auctor*), который совершенно самостоятельно учреждает свои мудрые законы (*leges* — Ovid. *Met.* VIII. 101–102; XV. 832–833) и как блюститель нравов врачует общественные нравы, карая нечестие и благоволя добродетели (Ovid. *Met.* VIII. 97–100; *Fast.* II. 139–140).

Овидий вслед за Вергилием сопоставляет положение принцепса с положением царя, наделяя обоих законодательными полномочиями, что противоречит выработанной Октавианом юридической формуле своей власти. Связь императорского могущества с божественной санкцией выражена у элегика в таком контексте менее четко, однако вместо этого у него появляется новая властная ипостась врачавателя нравов. Последнее, должно быть, обусловлено тем, что Овидий в отличие от Вергилия застал издание «Юлиевых законов о браке» (18–17 гг. до н. э.), на основании которых государство вмешивалось в семейную жизнь сенаторов и всадников. Представителей высших сословий принуждали к вступлению в брак, а супружеская измена приравнивалась к серьезнейшему уголовному преступлению. По задумке Августа, эти законы должны были исправить пострадавшие в годы гражданских смут нравы римлян, что привело бы, по мнению многих почитателей старины, к общему улучшению состояния государства¹⁶. Сообщая об этих мерах в «Деяниях», Август, что примечательно, тоже определяет себя как ауктора (*Legibus novis me auctore latis multa exempla maiorum exolescentia iam ex nostro saeculo reduxi et ipse multarum rerum exempla imitanda posteris tradidi* — *RGDA.* 4. 5). Но если у Овидия мы переводили это слово как «законодатель», то в новом контексте «*me auctore*» означает скорее «по моей инициативе». В действительности, как уже было сказано, Август отказался и от законодательной власти, и от особых полномочий по надзору за нравами, «Юлиевы законы» были предложены им на правах народного трибуна для рассмотрения комициями — и только. То есть формально законы издал не он, а римский народ, но в восприятии простых граждан, по всей видимости, законодателем

¹⁵ В науке уже вскользь отмечалось сходство образов двух правителей: *Feldherr A.* *Playing Gods: Ovid's Metamorphoses and the Politics of Fiction.* Princeton-Oxford : Princeton University Press, 2010. P. 113 ; *Liveley G.* *Ovid's Metamorphoses: A Reader's Guide.* London — New York : Continuum, 2011. P. 84.

¹⁶ Подробнее о самих законах и возможных интерпретациях их целей см.: *Токарев А. Н.* О целях семейного законодательства Августа // Вестник ХНУ. 2004. № 633: Історія. Вип. 36. С. 222–231.

был всё же он. Точно так же воспринимался он и блюстителем нравов, поскольку на их оздоровление и были направлены законы, хотя никаких формальных полномочий в этой сфере он не имел.

Итак, новая по своей сути императорская власть была оформлена в традиционных республиканских категориях. В правовом смысле в ее основе лежали высший проконсульский империй и потестас народного трибуна, обладатель такой власти именовался принцепсом, а исходила она от римского народа, который продолжал мыслиться носителем государственного суверенитета, что проявлялось в первую очередь в сохранении за комициями законодательных полномочий. Вместе с тем наше исследование позволяет предположить, что для основной массы римлян подобные юридические нюансы были недоступны. Император в их воображении уподоблялся царю с обширными полномочиями, включавшими в себя законодательную власть и право нравственного контроля, при этом источником таких полномочий мыслился не гражданский коллектив, но божественная воля. Думается, такие представления могли послужить одним из важнейших факторов дальнейшего усиления «монархической» тенденции в развитии системы принципата, в частности — окончательного закрепления к III в. н. э. законодательной власти за императором.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Егоров А. Б.* Рим: от республики к империи. — СПб. : Наука, 2017. — 311 с.
2. Империя Августа 43 г. до н. э. — 69 г. н. э. // Кембриджская история древнего мира. Т. 10, в двух полутомах, первый полутом / под ред. А.-К. Боумэна, Э. Чэмплина, Э. Линтотта; пер. с англ., подготов. текста, предисл., прим. О. В. Любимовой, С. Э. Таривердиевой. — М. : Ладомир, 2018. — 736 с.
3. *Махлаюк А. В.* Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата // Античный полис : курс лекций / отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. — С. 176–226.
4. *Межеричук Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — 992 с.
5. *Токарев А. Н.* О целях семейного законодательства Августа // Вестник ХНУ. — 2004. — № 633: Історія. Вип. 36. — С. 222–231.
6. *Arena V.* Libertas and the Practice of Politics in the Late Roman Republic. — Cambridge : Cambridge University Press, 2012. — ix+324 p.
7. *Cowan E.* Hopes and Aspirations: Res Publica, Leges et Iura, and Alternatives at Rome // Alternative Augustan Age / ed. by K. Morrell, J. Osgood, K. Welch. — Oxford : Oxford University Press, 2019. — P. 27–45.
8. *Feldherr A.* Playing Gods: Ovid's Metamorphoses and the Politics of Fiction. — Princeton-Oxford : Princeton University Press, 2010. — xii+377 p.
9. *Liveley G.* Ovid's Metamorphoses: A Reader's Guide. — London-New York : Continuum, 2011. — viii+189 p.
10. *Ovid's Fasti* / ed. by J. G. Frazer. — London : W. Heinemann Ltd.; New York : G. P. Putnam's Sons, 1931. — xxxii+460 p.
11. *Ovidius P. Naso.* Metamorphoses / ed. by R. J. Tarrant. — Oxonii: E Typographeo Clarendoniano; Oxford : Oxford University Press, 2004. — xlviii+579 p.
12. *Ovidius P. Naso.* Amores, Medicamina faciei femineae, Ars amatoria, Remedia amoris / ed. by E. J. Kenney. — Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 1965. — xii+260 p.
13. *Premierstein A. von.* Vom Werden und Wesen des Prinzipats. — München: Verl. d. Bayer. Akad. d. Wiss, 1937. — xii+290 s.
14. *Res Gestae Divi Augusti.* Text, Translation, and Commentary / ed., trans., com. by A. E. Cooley. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009. — xiii+317 p.
15. *Rich J. W., Williams J. H. C.* Leges et Iura P. R. Restituit: A New Aureus of Octavian and the Settlement of 28–27 B.C. // Numismatic Chronicle. — 1999. — Vol. 159. — P. 169–213.

16. Vergilius P. Maro. Eclogues. Georgics. Aeneid I–VI. Vol. I. // Loeb Classical Library. — Cambridge : Harvard University Press; London : W. Heinemann Ltd., 1938. — xvi+594 p.
17. Vergilius P. Maro. Aeneid VII–XII. Vol. II. // Loeb Classical Library. — Cambridge : Harvard University Press; London : W. Heinemann Ltd., 1942. — 584 p.

REFERENCES

1. Arena V. Libertas and the Practice of Politics in the Late Roman Republic. Cambridge: Cambridge University Press; 2012.
2. Cooley AE (ed.). Res Gestae Divi Augusti. Text, Translation, and Commentary. Cambridge: Cambridge University Press; 2009.
3. Cowan E. Hopes and Aspirations: Res Publica, Leges et Iura, and Alternatives at Rome. In: Morrell, Osgood J, Welch K. Alternative Augustan Age. Oxford: Oxford University Press; 2019.
4. Egorov AB. Rim: ot respubliki k imperii [Rome: From Republic to Empire]. St. Petersburg: Nauka Publ.; 2017. (In Russ.).
5. Feldherr A. Playing Gods: Ovid's Metamorphoses and the Politics of Fiction. Princeton–Oxford: Princeton University Press; 2010.
6. Frazer JG (ed.). Ovid's Fasti. London: W. Heinemann Ltd.; New York: G. P. Putnam's Sons; 1931.
7. Liveley G. Ovid's Metamorphoses: A Reader's Guide. London–New York: Continuum; 2011.
8. Makhlayuk AV. Polis-Republican Structures and Traditions in the Era of the Principate. In: The Ancient Polis: A Course of Lectures. Dementyeva VV, Surikov IE (eds.). Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science; 2010. (In Russ.).
9. Mezheritskiy YaYu. The Restored Republic of Emperor Augustus. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science; 2016. (In Russ.).
10. Ovidius P., Kenney EJ (ed.). Naso. Amores, Medicamina faciei femineae, Ars amatoria, Remedia amoris. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano; 1965.
11. Ovidius P. Naso. Metamorphoses. Ed by R. J. Tarrant. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano; Oxford: Oxford University Press; 2004.
12. Premerstein A. von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats. München: Verl. d. Bayer. Akad. d. Wiss; 1937.
13. Rich JW, Williams JH. Leges et Iura P.R. Restituit: A New Aureus of Octavian and the Settlement of 28–27 B.C. *Numismatic Chronicle*. 1999;159:169-213.
14. The Empire of Augustus, 43 B.C. — 69 C.E. In: Bowman AK, Champlin E, Lintott A (eds). Cambridge Ancient History. Vol. X, in two half-volumes. Tr. From English by Lyubimova OV, Tariverdieva CE. Moscow: Lodomir Publ.; 2018. (In Russ.).
15. Tokarev AN. O tselyakh semeynogo zakonodatelstva Avgusta [On the Goals of Augustus's Family Legislation]. *The Journal oh Kharkiv National University. History*. 2004;633(36):222-231. (In Russ.).
16. Vergilius P. Maro. Aeneid VII–XII. Vol. II. Loeb Classical Library. Cambridge: Harvard University Press; London: W. Heinemann Ltd.; 1942.
17. Vergilius P. Maro. Eclogues. Georgics. Aeneid I–VI. Vol. I. Loeb Classical Library. Cambridge: Harvard University Press; London: W. Heinemann Ltd.; 1938.